

На правах рукописи

Маринин Мстислав Оганесович

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В УСЛОВИЯХ
ЕВРОПЕЙСКОГО КРИЗИСА 1830-31 гг.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва 2013

Работа выполнена на кафедре региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Научный руководитель: ПАВЛОВСКАЯ Анна Валентиновна
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: ДЕГОЕВ Владимир Владимирович
доктор исторических наук, профессор
Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России, профессор

СИДОРОВА Марина Викторовна
кандидат исторических наук, доцент
начальник отдела Государственного
Архива Российской Федерации

Ведущая организация: Федеральное государственное
бюджетное учреждение культуры
«Государственный исторический музей»

Защита диссертации состоится 13 декабря 2013 г. в 16.30 на заседании диссертационного совета Д.501.001.98 при Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д.27, корпус 4, ауд. А-619

Эл. адрес: dishist@spa.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Фундаментальной библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д.27

Автореферат разослан «12» ноября 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
Кандидат исторических наук, доцент

Н.Л.Головкина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Начало 1830-х годов поставило Великие Державы того времени в сложное положение. Происходящие одна за другой революции в центре Европы не только дестабилизировали политическую ситуацию, но и угрожали системе международных отношений, сложившейся по итогам Венских соглашений 1815 г. Россия как одна из стран, заложивших основы Венской системы, не могла оставаться в стороне от происходящих событий. Начавшееся в пределах империи восстание в Польше неизбежно сказалось на том курсе, который проводила Россия, но в то же время не изменило конечные ориентиры русской дипломатии.

Вспыхнувшая в июле 1830 г. революция во Франции поставила Европу на порог новой общеевропейской войны. Активные внешнеполитические действия, предпринимаемые французским правительством, привели к распространению революции за пределы французского королевства во многие регионы Европы. Вопросы, связанные с революцией во Франции 1830 г., глубоко разработаны как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Однако многие события, вызванные июльской революцией, до настоящего момента остаются в ее тени и не получили должного отражения в исторической науке. В этой связи закономерен тот интерес, который продолжает вызывать история июльского восстания в Париже как в рамках изучения истории Франции, так и в рамках изучения истории европейской внешней политики. Прежде всего, это касается обстоятельств международного кризиса 1830-31 гг., который стал прямым следствием революционных событий в бельгийских и польских землях, вызванных революцией во Франции.

Выступая одним из гарантов сложившейся системы международных отношений и оставаясь заинтересованной в сохранении установленных границ, Россия была вынуждена искать в стремительно меняющейся внешнеполитической обстановке такие методы влияния на события, которые способствовали бы мирному разрешению кризиса в нужном для Российской Империи русле. Спровоцированный волной революций, прокатившихся по

Европе, кризис 1830-31 годов оказал значительное влияние на существовавшие международные отношения и стал заметным этапом развития Венских соглашений 1815 года.

Сегодня международное положение России в связи с нестабильной ситуацией в отдельных странах, волной революционных событий, прокатившихся в определенных регионах мира, также требует использования таких методов дипломатического влияния на события, которые бы максимально способствовали реализации интересов Российской Федерации. В этой связи исторический опыт, которым обладает Россия в разрешении подобных коллизий, должен быть максимально проанализирован с целью адаптации достигнутых положительных результатов к современным внешнеполитическим условиям.

В основу исследования положено изучение не столько самих обстоятельств кризиса, которые уникальны как для самого кризиса, так и для всей исторической эпохи в целом, сколько реакция Российской империи на кризисную ситуацию. Это обстоятельство позволяет сопоставить ситуацию, существовавшую во второй четверти XIX века, с современной, так как и в том, и другом случае речь идет о дипломатической деятельности государства в жестко регламентированной международно-правовой среде, характеристики которой лишь меняются со временем, но строго определены для каждой исторической эпохи. Следовательно, изучение реакции России на события европейского кризиса 1830-31 гг. будет полезно для анализа и планирования возможных внешнеполитических действий Российской Федерации в схожих международных ситуациях.

Объектом исследования выступают международные отношения в Европе второй четверти XIX века.

Предметом исследования является реакция Российской империи на внешнеполитический кризис 1830-31 гг., вызванный событиями в Бельгии и в Польше.

Хронологические рамки диссертационного исследования включают в себя период с августа 1830 г. – начало бельгийской революции, по ноябрь 1831 г. – подавление польской революции. Этот временной интервал

диктуется целью данного исследования, которая подразумевает объединение революции в Бельгии и восстания в Польше в рамках одного внешнеполитического кризиса. Следовательно, дата начала революции в Бельгии, которое произошло раньше польского, и дата подавления мятежа в Польше, который был урегулирован спустя некоторое время после признания независимости Бельгии, являются хронологическими рамками данной работы.

Степень изученности проблемы. Внешняя политика Николая I еще при жизни императора стала предметом ожесточенных споров историков. Внешнеполитическая изоляция, в которой оказалась Российская Империя, разрушила спокойствие империи, казавшееся незыблемым после триумфального Венского Конгресса 1815 г.

Однако ни в годы Крымской войны, ни в последующее десятилетие не было проведено детального анализа всех внешнеполитических событий, произошедших во время правления Николая I. Публикации 1860-х и 1870-х гг., посвященные отдельным аспектам международных отношений николаевской России,¹ подготовили почву для написания комплексного исследования, посвященного проблеме всестороннего осмысления внешней политики Николая I. Таким исследованием стала работа С.С.Татищева «Император Николай и иностранные дворы».² Следует признать, что это исследование стало значительным шагом вперед в понимании внешней политики Николая I, так как в нем, по сути, впервые были проанализированы события не только июльской революции во Франции, но также бельгийской революции и восстания в Польше, показана работа Лондонской конференции 1830-31 гг. в контексте других внешнеполитических действий Империи. С.С.Татищевым был подготовлен значительный источниковый и фактологический фундамент для будущих исследований по этим вопросам. К сожалению, огромный потенциал исследования С.С.Татищева не был использован в полной мере.

¹ Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 гг., тт.1-4, СПб, 1876, Ковалевский Е.П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах. СПб., 1868

² Татищев С.С. Император Николай и иностранные дворы. Ист. очерки. СПб., 1889

Произошедшие в Российской Империи на рубеже 19-го - начала 20-го вв. социально-политические изменения повлекли за собой частичный пересмотр итогов правления Николая I, на которого стали перекладывать ответственность за неверно выбранный внешнеполитический курс. Большое значение для оценки роли Николая I имела изданная в 1903 году биография императора, подготовленная Н.К. Шильдером.³ Эта книга представляет собой фундаментальный труд, который не имел аналогов по объему и количеству используемых материалов. Н.К.Шильдер не успел закончить свою работу, доведя повествование лишь до начала 30-х годов XIX века. Автор не ограничивается описанием жизни императора и дает широкую картину событий внутри страны и за ее пределами, определявших политику Петербурга. Однако несмотря на обилие используемого материала, Н.К.Шильдер практически не рассматривает события бельгийской революции 1830 г. и реакции на него Петербурга, не описывает ход Лондонской конференции. Участие России в бельгийских событиях для автора остается нераскрытым, находит отражение лишь факт первоначального желания Николая I подавить восстание силой. Поскольку в работе Н.К.Шильдера нет анализа работы Лондонской конференции, то в ней не обсуждаются изменения позиции Николая I по вопросу независимости Бельгии. Говоря о польском восстании, Н.К.Шильдер подробно описывает реакцию царя на сам факт восстания и ход русско-польской войны, но совершенно не отражает политическую борьбу, которая велась Великими Державами вокруг вопроса о независимости Польши и гарантиях польской конституции. В этой связи, несмотря на огромную научную значимость работы Н.К.Шильдера, в понимании отдельно взятого аспекта царствования Николая I, а именно роли русской дипломатии в бельгийском и польском кризисах, наблюдался шаг назад по сравнению с работами С.С.Татищева.

Революционные события 1905-1907 гг. и последовавшие за ними преобразования в политической жизни страны не могли не сказаться на оценке новым поколением исследователей предыдущих эпох правления, в том числе эпохи Николая I. Так, Е.В.Тарле, вдохновленный опытом первой

³ Шильдер Н.К. «Император Николай I.Его жизнь и царствование». М.: Захаров, 2010

русской революции, опубликовал теоретическое исследование «Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки»⁴. В этой работе Е.В.Тарле на широком историческом примере стран Западной Европы показывает закономерность краха абсолютизма и доказывает неизбежность этого процесса в России. В ходе своего теоретического анализа автор не обходит вниманием фигуру императора Николая I. Е.В.Тарле категорически не соглашается с устоявшимся в значительной части отечественной историографии образом царя-рыцаря, руководствовавшегося в своей политике исключительно национальными интересами России (подобное мнение отстаивали многие историки, к примеру, С.С.Татищев⁵ и А.М.Зайончковский⁶). Несмотря на то, что первая редакция этой работы, опубликованная в 1906 г., не имела определяющего влияния на изучение дипломатии Николая I, сопоставимого с исследованиями С.С.Татищева, Б.Э.Нольде, А.Н.Петрова и других крупных историков, занимавшихся проблемами внешней политики Николая I, тем не менее именно в этой работе Е.В.Тарле дал характеристику Николаю I как дипломату, которой и будет придерживаться на протяжении всей своей будущей научной деятельности, расцвет которой придется уже на постреволюционный период.⁷

Таким образом, можно констатировать, что для дореволюционной историографии характерно отсутствие интереса к таким эпизодам внешней политики Николая I, как международные действия России в связи с бельгийской революцией и польским восстанием 1830 г. Большинство исследователей оценивает внешнюю политику Николая I через положительный образ личности императора. Вместе с тем, в начале 20-го в. Появляются исследования, в которых ломается привычная оценка личности Николая I, что проявилось в биографии Н.К. Шильдера и, особенно, в работе Е.В.Тарле.

События 1917 года и последовавшие за ними изменения в социально-политической жизни страны не могли не оказать влияния на восприятие

⁴ Тарле Е.В. Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки. СПб., 1906

⁵ Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая I. –СПб., 1887

⁶ Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. тт.1-2, СПб, 1908-1913

⁷ Тарле Е.В. Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки. СПб, 1906

самодержавной власти в России. Фактически первым из исследователей, кто заложил фундамент советской историографической традиции, был М.Н.Покровский, который в своей работе «Русская история в сжатом очерке»⁸ обосновал новую концепцию понимания истории России. М.Н.Покровский не рассматривает политику Николая I в связи с серией европейских революций 1830-31 гг., ограничиваясь лишь описанием польского восстания 1830 г. В оценке этого события автор представляет точку зрения, диаметрально противоположную мнению историков прежней эпохи, оправдывая польское восстание, настаивая на исторических правах мятежных поляков. В оценках хода восстания и его последствий автор также выступает с резкой критикой императора Николая I, игнорируя все те доводы, которые ранее в его защиту приводили историки прежних поколений, создавая охранительную концепцию внешней политики русского царя.

В работе «Дипломатия и войны Царской России в XIX столетии»⁹ М.Н.Покровский решительно утверждает, что внешняя политика Николая I в определяющей степени формировалась под влиянием русского капитализма и исходя из его интересов. Подобный подход полностью отрицал созданное дореволюционными историками представление о Николае I как о рыцаре самодержавия и вместо него давал образ правителя, ведомого в своей политике исключительно интересами растущего капитализма.

Взгляды Н.М.Покровского оказались весьма востребованы в начале 1920-х гг. и создали фундамент дальнейших оценок правления русского царя. Однако изменившаяся ситуация во внутренней жизни страны определила отход от идей М.Н.Покровского и дезавуирование его исторических концепций в середине 1930-х годов. Кроме того, именно ему, пусть и косвенно, обязана своим появлением в отечественной историографии тема бельгийской революции. Один из последних номеров журнала «Красный Архив», который был создан Н.М.Покровским, содержал в себе публикации, посвященные революции в Бельгии. Среди опубликованных документов

⁸ Покровский М.Н. Русская история в сжатом очерке. М., Красный пролетарий, 1933

⁹ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX веке. Сборник статей. Красная Новь. 1923

были ряд писем из официальной переписки МИДа с его представителями, переписка Николая I, доклады К.В.Нессельроде и замечания Николая I относительно политики европейских государств.¹⁰ Фактически впервые в отечественной историографии был поставлен вопрос о выделении бельгийского кризиса и общего массива политики Николая I, в научный оборот вводились архивные документы по этому вопросу.

Следующим этапом в изучении проблемы стала публикация в 1941 г. первого тома «Истории дипломатии».¹¹ Наглядным свидетельством того, как продвинулась отечественная историография в вопросе изучения бельгийского и польского кризисов 1830-31 гг., является тот факт, что академик Е.В.Тарле выносит эти вопросы в отдельные параграфы в рамках своей главы. Произошел решительный отказ от идей «школы М.Н.Покровского» и возвращение к обоснованию внешнеполитических действий государства взглядами правителя, который руководствуется собственным мировоззрением и пониманием ситуации. Впервые были выделены характерные особенности кризисных ситуаций в Польше и Бельгии, которые имели определяющее значение для понимания природы этих событий. Среди них следует отметить: вторичность революции в Бельгии по отношению к июльской революции во Франции, первоначальное стремление Николая I к военной интервенции, интерпретация польского восстания как щита Европы от интервенции русских войск, слабый интерес Николая I к бельгийским событиям после восстания в Польше, взаимное сближение России, Пруссии и Австрии на фоне оформления англо-французских симпатий.

Изменения во внутренней политике государства по отношению к историческим исследованиям, в том числе реабилитация в конце 1950-х гг. «школы М.Н.Покровского» давали возможность осторожно преодолеть укоренившиеся в историографической традиции марксистско-ленинские постулаты и взглянуть на историческое наследие царской России под иным углом зрения. Одним из первых исследователей, которым это удалось, была

¹⁰ К истории революции в Бельгии. Ввод. статья А. Молока // Красный архив. Т. 1. 1941. С. 199-248

¹¹ История дипломатии. Под ред. В. П. Потомкина. Т. 1. М., ОГИЗ. 1941

Н.С. Киняпина.¹² В своей первой крупной работе посвященной дипломатии России в XIX веке «Внешняя политика России первой половины XIX века»¹³, Н.С.Киняпина аккуратно высказывает мысль, что император Николай I, несмотря на все минусы своего правления, проводил свою внешнюю политику исходя из национальных интересов России.¹⁴

Таким образом, именно советские историки выделили в качестве важных эпизодов правления Николая I, имевших влияние на внешнеполитические действия империи, революционные события в Бельгии и в Польше. Однако нужно отметить, что революция в Бельгии и восстание в Польше рассматривались самостоятельно, практически независимо друг от друга, при этом были выделены присущие им характерные особенности, что надолго определило взгляды исследователей по этим двум событиям.

Уже после изменений, которые коснулись научно-исследовательской жизни в результате преобразований конца 80-х – начала 90-х гг. XX в., Н.С.Киняпина опубликовала ряд статей о царствовании Николая I, к чему она готовилась на протяжении всего своего творческого пути.¹⁵ Н.С.Киняпина одной из первых решительно отказалась от сугубо негативного восприятия императора, которое доминировало в советское время и не позволяло, по ее мнению, объективно оценить итоги его правления. Для автора император Николай I является крупнейшей политической фигурой XIX века, человеком который одним из первых осознал своеобразие России, ее евразийскую сущность, определявшую особенности внутренней и внешней политики страны.¹⁶

Изданная Н.С.Киняпиной в 2001 году статья, посвященная внешней политике Николая I,¹⁷ являлась результатом многолетней исследовательской работы автора. Н.С.Киняпина связывает бельгийские и польские события, полагая, что польское восстание сделало невозможным интервенцию в

¹² Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Чепелкин М.А., Чернов С.Л. — Н.С. Киняпина как исследователь внешней политики России XIX века//Вопросы истории. 2004 №12 С.147

¹³ Киняпина Н.С.Внешняя политика России в первой половине XIX века.М., 1963

¹⁴ Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Чепелкин М.А., Чернов С.Л. — Н.С. Киняпина как исследователь внешней политики России XIX века//Вопросы истории. 2004 №12 С.148

¹⁵ Там же. С.151

¹⁶ Там же. С.152

¹⁷ Киняпина Н.С. Внешняя политика Николая I //Новая и новейшая история, 2001, N 1 - 2.

Бельгию и вынудило Россию принимать пассивное участие в бельгийских событиях.¹⁸ Говоря о польском восстании, Н.С.Киняпина полагает, что правительства Великобритании и Франции не оказывали помощи восставшим и лишь сочувственно наблюдали за борьбой поляков. Однако автор не рассматривает подробно эти два интересующие нас эпизода правления Николая I и не подвергает их детальному анализу. Это может быть объяснено тем, что, с одной стороны, ни польский, ни бельгийские кризисы никогда не входили в сферу научных интересов Н.С.Киняпиной, и в их оценке автор следовала за устоявшейся историографической традицией, а, с другой стороны, тем, что автор поставила перед собой задачу в сжатом виде (в объеме двух статей) дать представление о всей внешней политике Николая I, при этом постоянно апеллируя к его личностным характеристикам и событиям внутренней политики, что, безусловно, не могло не сказаться на полноте отображения тех или иных эпизодов.

Значительной вехой стала публикация коллективной монографии «Итоги и задачи изучения внешней политики России».¹⁹ Н.С.Киняпина совершенно справедливо отмечает, что в историографии отсутствует четкое разграничение между деятельностью Священного и Четверного союза. Анализируя степень разработанности проблемы внешней политики 1830-х гг., Н.С. Киняпина констатирует, что работ в данной области практически нет, полностью отсутствуют исследования, которые были бы специально посвящены этому периоду, и что мало изучена деятельность русской дипломатии в связи с подавлением польского восстания 1830-х гг.

Представитель научной школы Н.С.Киняпиной В.В.Дегоев в своей работе, посвященной вопросам внешней политики «Внешняя политика России и международные системы: 1700—1918 гг.»²⁰ анализирует в качестве важных аспектов внешней политики Николая I бельгийскую революцию и польское восстание 1830-х гг.. Особенно ценным является утверждение, что польские и бельгийские события объединяла угроза, исходящая от них Венской системе. Если ранее эти кризисы рассматривались по отдельности

¹⁸ Киняпина Н.С. Внешняя политика Николая I //Новая и новейшая история, 2001, N 1. С.155

¹⁹ Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., Наука. 1981

²⁰ Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700-1917. М.,МГИМО, 2004

друг от друга и объединялись лишь фактом преемственности по отношению к июльской революции во Франции, то теперь возникают предпосылки для будущего объединения этих кризисов в один.

Необходимо также отметить монографию О.Р.Айрапетова «Внешняя политика Российской империи 1801-1914».²¹ В главе, посвященной внешней политике Николая I, О.Р.Айрапетов рассматривает события бельгийской революции и польского восстания. С точки автора, интерес Николая I к бельгийским событиям заключался, с одной стороны, в опасении присоединения части Бельгии к Франции, а с другой стороны, в личной заинтересованности в благополучии нидерландского правящего дома, с которым его объединял тесный династический союз (сестра Николая I Анна была женой наследника нидерландского престола). Следуя устоявшейся традиции, О.Р.Айрапетов связывает отказ от интервенции в Бельгию с восстанием в Варшаве. Анализ действий русской дипломатии в ходе Лондонской конференции остается за рамками исследования, т.к. это не входило в задачи автора.

Еще одной из заметных современных обобщающих работ по внешней политике России первой половины XIX века является монография «История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 года)», написанная под редакцией О.В.Орлик.²² Следуя исторической традиции, авторы подчеркивают желание Николая I подавить восстание силой, его личную заинтересованность в благополучии Нидерландского Королевства и «спасение» Бельгии мятежной Варшавой. Более того, внешняя политика Николая I объявляется одной из причин восстания в Польше.

Крупнейшим современным исследователем истории Бельгии среди отечественных историков является А.С. Намазова. В своих работах «Бельгийская революция 1830 г.»²³ и «Бельгия. Эволюция государственности

²¹ Айрапетов О.Р. «Внешняя политика Российской Империи 1801-1914. М., Европа. 2006

²² История внешней политики России. Первая половина XIX века. (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 года). Под ред.О.В.Орлик. М.,Междунар. отношения, 1999

²³ Намазова А.С.Бельгийская революция 1830 г. М., 1979

в XVIII-XX веках»²⁴ автор на широком историческом материале анализирует события бельгийской истории, в частности, останавливает свое внимание на событиях бельгийской революции 1830 г. Однако вместе с тем ряд вопросов, связанных с бельгийским восстанием, остается мало освещенным, а именно: динамика взглядов русского правительства, поэтапный анализ взаимодействия Николая I с его внешнеполитическими партнерами. Восстание в Бельгии интересует автора как часть истории этой страны, а не как один из поворотных моментов европейской дипломатии 1830-х гг., что накладывает свои ограничения на объем и глубину освещения событий.

Зарубежная историография имеет устойчивые традиции отображения событий 1830-х гг. и внешней политики европейских государств. Необходимо отметить, что в первую очередь зарубежных исследователей интересует бельгийская революция 1830-31 гг., в то время как польское восстание часто остается без должного внимания со стороны западноевропейских историков. Единой тенденцией, которая характерна как для английской, французской, так и для бельгийской историографических школ является тенденция к умалчиванию роли Российской Империи и русской дипломатии в указанных событиях.

Одной из важных работ по изучаемой проблеме «История Бельгии»²⁵, посвященная борьбе за независимость бельгийского государства, которая была опубликована спустя четверть века после революции. Автор не только не анализирует политику России по отношению к Бельгии, но и в принципе игнорирует факт русского участия как в событиях кризиса, так и в работе Лондонской конференции, отводя центральную роль в создании нового бельгийского государства Парижу и Лондону. Россия упоминается лишь мимоходом.

Роль России в европейских событиях 1830 г. игнорируется и в фундаментальной работе по истории Голландии английского исследователя Дж.Эдмундсона.²⁶ Автор практически не упоминает об участии русской дипломатии в процессе создания объединенного Нидерландского

²⁴ Намазова А.С. Бельгия. Эволюция государственности в XVIII-XX веках. М., Наука. 2008

²⁵ Huybrecht P.A. «Histoire politique et militaire de la Belgique: (1830 - 1831)», Paris. 1856

²⁶ History of Holland by George Edmundson (Cambridge History Series). Cambridge University Press. 1922

королевства в ходе Венской конференции 1814-15 гг., да и сама конференция практически не освещается автором, из-за чего становится совершенно непонятно, ради чего Бельгию присоединяли к Голландии. Участие русской дипломатии как в период до созыва конференции в Лондоне, так и непосредственно в ходе самой конференции не получило своего отражения.

Традиция показывать политику Великобритании как исключительно миролюбивую, нацеленную на достижение мира в Европе, характерна для западноевропейской историографии, наряду с традицией приписывать благополучное разрешение бельгийского кризиса личным заслугам Дж.Пальмерстона. Один из крупнейших исследователей внешнеполитической деятельности английского премьер-министра Ч.Вебстер, анализируя в своем фундаментальном труде²⁷, посвященном этому английскому политику, роль Дж.Пальмерстона в ходе Лондонской конференции, приписывает именно ему заслуги мирного разрешения конфликта и создания независимого бельгийского государства.

Определенный интерес представляет исследование английского историка Эрика Хобсбауна «Век революции. Европа 1789-1848»²⁸, которое оставило заметный след в восприятии этого периода истории Европы, о чем красноречиво свидетельствует тот факт, что эта книга выдержала три переиздания. Автор не ставит своей задачей подробный анализ революционных событий 1830-х гг., однако впервые признает, что именно в событиях 1830 г. кроется начало отрицательного восприятия России в Великобритании.

Французская историография отличается неполнотой приводимой информации и многочисленными допущениями. Особенно показательными в этой связи являются фундаментальные работы Антонена Дебидура²⁹ и Пьера Ренувена³⁰.

Подводя итог, необходимо отметить, что постсоветская и современная историография при рассмотрении внешней политики Николая I в

²⁷ Webster O.K., The foreign policy of Palmerston 1830-1841, v.1-2. L., 1951

²⁸ Eric Hobsbawm. The Age of Revolution: 1789-1848. Abacus, 1962

²⁹ Антонен Дебидур. Дипломатическая история Европы от Венского до берлинского конгресса (1814-1878). Вст. ст. А.Л.Нарочницкого. -М.: государственное издательство иностранной литературы. 1947

³⁰ Histoire des relations internationales. Sous la direction de P Renouvin. P. 1953

бельгийских и польских вопросах в основном повторяет те идеи, которые были высказаны в советский период. Большим прорывом в изучении бельгийского кризиса стали работы А.С.Намазовой, которые отчасти затрагивают внешнеполитический аспект создания независимой Бельгии. В вопросе польского восстания ряд новых идей высказываются В.В.Дегоевым и О.Р.Айрапетовым. Однако общая тенденция, характерная для отечественной историографии, разделять бельгийский и польский кризисы на самостоятельные явления, равно как и в целом отказывать русско-польской войне 1830-31 гг. в международном компоненте, сохранилась.

Говоря о зарубежной историографии, приходится констатировать, что несмотря на значительное количество работ европейских историков, посвященных событиям второй четверти XIX века, практически все они страдают отсутствием вдумчивого анализа внешнеполитических действий Российской империи и сильно идеологизированы, что мешает объективно воспринимать роль России в кризисах 1830-го года. Кроме того, бельгийская революция и польское восстание не воспринимаются как самостоятельные, оригинальные события европейской истории и рассматриваются только как последствия июльской революции во Франции.

Целью диссертационного исследования является подтверждение гипотезы о восприятии русской дипломатией революции в Бельгии и восстания в Польше как проявлений единого международного внешнеполитического кризиса и анализ системы мер, предложенных русской дипломатией для разрешения данного кризиса, исходя из национальных интересов Российской Империи.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

1. Проанализировать внешнеполитические действия России в связи с революцией в Бельгии и восстанием в Польше в границах существовавшего международно-правового поля.

2. Провести сравнительный анализ реакции русского общества на политику России в связи с революционными событиями в Бельгии и в Польше, дать характеристику этих реакций.

3. Определить, какие национальные приоритеты во внешней политике, по замыслу императора Николая I, в начале 1830-х годов были выделены как главные векторы внешнеполитического курса Российской Империи.

4. Проанализировать личную позицию Николая I по вопросам бельгийской революции и польского восстания, а также проследить его реакцию на политику европейских партнеров.

Источниковой базой исследования служат источники как личного, так и официального происхождения, написанные в период с 1825 г. по 1855 г., а также материалы прессы, в которых затрагиваются события бельгийского и польского кризисов 1830-31 годов.

Согласно принятой в отечественной историографии видо-типовой классификации, источники можно разделить на несколько групп.³¹

Первую группу составляет официальный актовый материал. Среди этих документов можно выделить документы, относящиеся к работе Лондонской конференции, посвященной бельгийской проблеме, и документы, относящиеся к периоду создания независимого бельгийского королевства³² и определению условий его существования.³³ Поскольку под данными документами стоят подписи русских дипломатов, можно расценивать положения, прописанные в них, как официальную позицию Российской Империи по конкретно взятому вопросу, в чем и состоит практическая значимость данной категории документов для исследования. Также в данную группу входят документы, главным содержанием которых служат события, происходящие внутри России, которые неизбежно были в поле особого внимания правительства Николая I. В основном речь идет о событиях восстания в Варшаве и последующей за ним русско-польской войне 1830-31 гг. Среди огромного количества документов, относящихся к этой теме, для данного исследования были выбраны лишь те, которые имеют отношение к внешнеполитическим обстоятельствам. Например, «Манифест об окончании

³¹ «Источниковедение отечественной истории: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведения»/А.Г.Голиков, Т.А.Круглова; под ред. А.Г.Голикова – М.: Издательский центр «Академия», 2009. С.5

³² Протокол конференции уполномоченных России, Австрии, Великобритании, Пруссии и Франции Лондон, 23 октября (4 ноября) 1830 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.129.

³³ Договор между Россией, Австрией, Великобританией, Пруссией, Францией и Бельгией об образовании Бельгийского Королевства. Лондон 3 (15) ноября 1831 г. // Там же. С.567-579.

военных действий в Польше». ³⁴ Манифест сообщал о подавлении восстания в польских землях и начале процесса урегулирования ситуации. Таким образом, иностранные державы, заинтересованные в развитии польского кризиса, получали однозначный сигнал о том, что их усилия по военной и политической поддержке польских бунтовщиков провалились. Изучение этих документов дает возможность увидеть конечный результат действий правительства, зафиксированный в дипломатических или внутригосударственных актах.

Вторую группу составляет делопроизводственная документация. В эту группу входят документы министерства иностранных дел и военного министерства, в которых находили свое отражение как официальная позиция правительства, так и частная позиция русских дипломатов относительно исследуемых событий. Это указания министерства иностранных дел Российской Империи своим представителям за границей, ³⁵ доклады канцлера Российской Империи К.В.Нессельроде императору Николаю I, ³⁶ официальная переписка русских представителей за границей с вице-канцлером К.В.Нессельроде, ³⁷ рапорты и отчеты III отделения СЕИВК, ³⁸ документация военного министерства. ³⁹ Использование документов этой группы дает возможность увидеть процесс принятия решений, а также проанализировать особенности восприятия происходивших событий русским правительством и дипломатами, что в свою очередь, позволяет лучше понять мотивацию принятия тех или иных решений.

³⁴ Манифест Николая I. 6 (18 октября) 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.495

³⁵ К примеру циркулярная депеша вице-канцлера К.В.Нессельроде дипломатическим представителям за границей. 11(23) декабря 1830 г. // Там же. С.200-204.

³⁶ К примеру: Циркулярная депеша вице-канцлера К.В.Нессельроде дипломатическим представителям за границей. 11(23) декабря 1830 г. // Там же. С.200-204

³⁷ К примеру: Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде 12 (24) декабря 1830 г. // Там же. С.205-216.

³⁸ К примеру: Записка с характеристикой общего положения и настроения в Царстве Польском в период восстания. ГА РФ. Ф.109. Оп.2.Д.78

³⁹ Император Николай Первый. Николаевская Эпоха. Слово Русского Царя. Апология Рыцаря. Незабвенный. Изд. Подг. М.Д. Филин. – М.: Русский мир, 2002

Третью группу составляет личная переписка. Исследовалась личная переписка русских дипломатов с канцлером К.В.Нессельроде,⁴⁰ в которой они могли позволить себе менее формальную оценку происходивших событий, переписка Николая I с представителями правящего дома Нидерландского королевства,⁴¹ отдельные части из переписки княгини Д.Х.Ливен со своим братом графом А.Х.Бенкендорфом,⁴² личная переписка братьев Александра и Константин Булгаковых,⁴³ а также памятные донесения и записки.⁴⁴ Использование личной переписки дало возможность не только взглянуть на события с точки зрения оценки ее современниками, но также проанализировать как официальную позицию русского правительства, так и частную оценку событий представителями различных слоев русского общества.

Еще одной группой являются источники личного происхождения – дневники и мемуары. Были выбраны те дневники и мемуары, в которых пусть вскользь и отчасти затрагивалась тема восстания в Польше и Бельгийской революции как событий, связанных со внешней политикой России. Дневники и воспоминания были написаны представителями высшего российского общества, творческой элиты и государственными служащими, например, дневники А.В. Никитенко, М.А. Корфа, воспоминания Н.И.Голицыной, Н.Кицкой, А.Н.Вульфа, К.П.Колзакова, Д.В.Давыдова, мемуары Н.И.Греча, записки А.Х.Бенкендорфа и др.⁴⁵ Использование этого

⁴⁰ К примеру: Личное письмо полномочного министра в Лондоне А.Ф.Матушевича вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 15(27) июня 1831 г.//Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 8. М.: Международные отношения, 2005. С.373-383.

⁴¹ ГА РФ, ф.728, оп.1, д.1466

⁴² ГА РФ Ф.1126. Оп.1 Д.332,424,364,406,431,662

⁴³ Братья Булгаковы: письма/Александр Булгаков, Константин Булгаков. М.:Захаров, 2010 г.

⁴⁴ К примеру: Памятная записка фельдмаршала И.И.Дибича Николаю I. 21 сентября (3 октября) 1830 г. //Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.95.

⁴⁵ Гагарин Иван. Дневники. Записки о моей жизни. Переписка. М.: «Языки русской культуры», 1996.,Хесс, Эуген Русский дневник/Пер.с нем.и прим.Б.И.Асварица. СПб.,Аxioma, 2007., А.В.Никитенко «Из Дневника»//Николай Первый. Молодые годы.Воспоминания.Дневники. Письма. Книга 1-я (Серия: Государственные деятели России глазами современников) СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2008, Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг./М.А.Корф. М.:Рубежи XXI, 2010, Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: «АИРО-XXI», 2008., Княгиня Н.И.Голицына о польском восстании 1831 г.// «Российский Архив»: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Альманах: Вып. XIII – М.: Редакция альманаха «Российский архив», 2004. С 61-165, Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830-1831 годов/Сост., вступ.статья В.М.Боковой, Н.М. Филатовой. - М.:Новое литературное обозрение, 2005 г., А.Н.Вульф. «Дневники»// «Поэт, Россия и цари /А.С.Пушкин,А.Н.Вульф,М.К.Мердер,Л.Н.Павлищев». М., Фонд Сергея Дубова, 1999 г.,

вида источника позволило проследить, как в российском обществе воспринимались революционные события в Бельгии в Польше как сами по себе, так и в контексте международной политики Российской Империи. Мемуары и дневники как источники личного происхождения предоставили возможность увидеть неофициальный взгляд на события, который мог отличаться от официальной позиции, выраженной в делопроизводственной документации или официальной переписке.

Для оценки информированности русского общества относительно событий, происходивших в Европе, а также для определения официальной точки зрения на указанные события использовались материалы прессы. Были проанализированы номера с №106-156 за 1830 г. и №1-253 за 1831 г. газеты «Северная пчела», которая была одной из крупнейших русских газет того времени и выходила тиражом до 10 000 экземпляров. Использование материалов прессы позволило ответить на вопрос, в какой степени общество информировалось официальными средствами массовой информации о происходивших в Бельгии и Польше событиях и проанализировать официальную позицию русского правительства по указанным событиям.

Наряду с уже изданными документами использовались архивные материалы из фондов Государственного Архива Российской Федерации. Особую ценность для данного исследования имела переписка Николая I с королем Нидерландского королевства и принцем Оранским, которая хранится в составе фонда 728 ГА РФ. Хранящаяся в фонде личная переписка не была издана и дает возможность не только понять личную позицию Николая I по вопросам бельгийского восстания и независимости Бельгии, но также проследить попытки Нидерландского короля влиять на формирование внешнеполитического курса России. Представляют интерес для исследования и личные оценки, которые дают представители Оранского правящего дома в связи с нерешительностью союзников России по Четверному союзу, а также

Колзаков К.П. Воспоминания Колзакова. 1815-1831 // Русская старина, 1873. – Т. 7. – № 4. – С. 423-455; № 5. – С. 587-615., О.А.Пржецлавский «Воспоминания»//Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.:Новое литературное обозрение, 2010 г., Давыдов Д.В. Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о польской войне 1831 года / Сообщ. В.Д. Давыдов // Русская старина, 1872. – Т. 6. - № 7. – С. 1-38; № 10. – С. 309-405., Греч Н.И. «Записки о моей жизни», М.: «Захаров», 2002, Бенкендорф А.Х. «Воспоминания 1802-1837». М., «Рос.Фонд Культуры», 2012 г.

в связи с восстанием в Варшаве. Хранящаяся в фонде №1126 переписка А.Х.Бенкендорфа со своей сестрой, женой посланника России в Лондоне и участника Лондонской конференции Д.Х.Ливен, дала возможность увидеть закулисную борьбу дипломатии Великих Держав на конференции в Лондоне, а также почувствовать настроения, которые царили как в русском обществе, так и в семье русского дипломата в связи с восстанием в Царстве Польском.

Таким образом, широта и многообразие источниковой базы позволяет всесторонне проанализировать различные документальные материалы и решить поставленные в диссертации цели и задачи.

Методологической основой диссертации являются научные принципы историзма, системности и научной объективности, употребление которых является обязательным, с точки зрения современного источниковедения, при работе с различными типами исторических источников и, в особенности, при работе с источниками личного происхождения, которые составляют значительную часть источниковой базы работы. В основании данного исследования лежит сочетание проблемно-хронологического и системно-исторического подходов, что дает возможность рассмотреть события не только в их диахронической последовательности, но в их взаимовлиянии и обусловленности как внешними, так и внутренними факторами развития.

Принцип историзма позволил рассмотреть изучаемые события в рамках широкого исторического контекста, проследить причинно-следственную связь между событиями кризиса и изменениями во внешней политике России. Используя принцип системности, автор работы включил внешнеполитический кризис 1830-31 гг. в качестве органичной части в контекст всей внешней политики Николая I второй четверти XIX века, а также европейской дипломатии этой эпохи. Использование разнообразного массива источников, включая большой пласт материалов личного происхождения, дал возможность автору диссертации проанализировать поставленные проблемы в соответствии с основополагающим для историка принципом объективности.

Научная новизна исследования заключается в следующих положениях:

Во-первых, одной из ключевых особенностей работы является анализ революции в Бельгии и восстания в Польше как ключевых факторов, определявших внешнюю политику Российской Империи. Эти события, как правило, или рассматривались по отдельности, или упоминались без глубокого и осмысленного анализа. В настоящем исследовании они рассматриваются как на основе уже введенных в научный оборот источников, но рассмотренных сквозь призму нового взгляда, так и с привлечением источников, еще не введенных в широкий исследовательский оборот.

Во-вторых, поэтапный и системный анализ событий упомянутых кризисов позволил более детально понять как истоки внешнеполитических ориентиров внешней политики Николая I в указанный период, так и принципы воплощения этих векторов в конкретные политические решения.

В-третьих, принципиально новым является сопоставление реальных действий, предпринимаемых официальным Петербургом, и того представления о России, которое искусственно формировалось в зарубежном общественном мнении.

В-четвертых, проанализированы, систематизированы и сопоставлены представления российского общества о революциях в Брюсселе и Варшаве, что также является совершенно новым подходом, к которому не прибегали при исследовании упомянутых проблем.

В-пятых, задача рассмотреть представления Николая I по вопросам внешней политики и сопоставить их с действиями русской дипломатии в условиях европейского кризиса 1830-31 гг. также является аспектом, определяющим новизну работы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Впервые доказывается предположение о схожем характере бельгийской революции и польского восстания как двух составных элементах единого международного кризиса 1830-31 годов, что противоречит доминирующему в отечественной историографии мнению о

самостоятельности и обособленности двух событий по отношению друг к другу.

2. Опровергается популярное в исследовательской литературе мнение об «агрессивном» характере внешней политики Николая I по отношению к революциям на примере реакции Петербурга на революцию в Бельгии.

3. На примере политики Великобритании, постепенно переходившей к политике «свободных рук», показывается путь трансформации Четверного Союза, который не нашел должного отражения в исследовательской литературе.

4. Доказывается недостаточная обоснованность распространенного еще с XIX века утверждения о «спасении Европы» от русской армии мятежной Польшей, находят подтверждение гипотезы об «имитации» подготовки русских войск в походе в Европу.

5. Выделяются национальные приоритеты дипломатии Николая I, главным из которых являются сохранение баланса внешнеполитических сил в Европе, и доказывается определяющее влияние этих приоритетов на процесс адаптации дипломатических действий к изменяющимся условиям.

6. Впервые формулируется тезис об итогах лондонской конференции по бельгийскому вопросу как об успехе русской дипломатии, которая смогла найти посредством придания Бельгии статуса вечно-нейтральной страны новые формы реализации одной из своих основных задач – предотвращения эвентуальной агрессии Франции, а также смогла удержать Великобританию в рамках существовавшей системы союзов.

7. Впервые проводится классификация стран в соответствии с их реакцией на польское восстание на «страны-союзники», «страны-противники» и «нейтральные» страны. Опровергается устойчивое мнение о невысокой активности французской и английской дипломатии в польском вопросе, демонстрируется агрессивность политики Лондона и Парижа и пути противодействия им со стороны Петербурга.

8. В результате анализа общественного мнения по бельгийской и польской проблеме обнаруживаются как сторонники, так и противники революции, но характерной чертой в восприятии революций

представителями и того, и другого лагеря было непонимание причин и процессов, лежащих в основе обеих кризисных ситуаций. Также была выявлена и проанализирована личная точка зрения императора как на бельгийскую революцию, так и на польское восстание.

Практическая значимость работы заключается в том, что материал и выводы диссертации могут использоваться в общих и специальных учебных курсах, связанных с историей внешней политики Российской Империи во второй четверти XIX века. Кроме того, раскрываемый механизм выработки внешнеполитических решений правительством Николая I может быть применен к другим эпизодам правления императора, которые требуют детального изучения.

Результаты исследования могут быть использованы для дальнейших научных исследований. Итоги работы будут полезны при создании обобщающих работ по внешней политике первой половины XIX века, по истории правления Николая I, а также в педагогической работе, при подготовке учебных курсов по истории России и специальных курсов по внешней политике XIX века и истории русской дипломатии.

Обнаруженный механизм разрешения внешнеполитического кризиса, исходя из национальных внешнеполитических ориентиров, может быть полезен при анализе и разработке современного внешнеполитического курса Российской Федерации.

Апробация работы: диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В.Ломоносова. По теме диссертации опубликовано 9 работ, в том числе в двух статьях, изданных в рецензируемых журналах из перечня ВАК Минобрнауки РФ.

Основные положения диссертации были отражены в докладах на семи международных конференциях, среди них: XVI Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Москва, апрель 2009 г., XIV Международная конференция «Россия и Запад: диалог культур». Москва, ноябрь 2011 г., I Международная конференция «Актуальные проблемы регионоведения». Москва, ноябрь 2012 г. и других.

Структура исследования обусловлена поставленными задачами. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка используемых источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определена актуальность исследования, поставлены цели и задачи работы, определены хронологические рамки, объект и предмет изучения, дана характеристика используемых источников, раскрывается методологическая основа диссертации, анализируется степень изученности темы.

Глава первая - **«Бельгийский кризис во внешней политике Российской Империи»**, посвящена анализу внешнеполитических действий предпринимаемых Петербургом в связи с международной напряженностью, вызванной революционными событиями в Брюсселе. События, последовавшие вслед за восстанием в бельгийских владениях нидерландского короля, рассматриваются поэтапно и детально анализируются.

Основными вопросами, изучаемыми в этой главе являются: процесс формирования внешнеполитической реакции России на революцию в Бельгии, анализ реакции на революцию Франции и союзников России по Четверному союзу и, причины, побудившие Николая I изменить свою позицию по вопросу бельгийской независимости, решения Лондонской конференции в контексте внешнеполитических задач, стоявших перед Россией, борьба русских дипломатов за сохранение единства стран Четверного союза, создание независимого Бельгийского Королевства и сохранение существовавшей системы европейской безопасности. Как показал анализ исследуемого материала, международный кризис, последовавший за бельгийской революцией, может быть разделен на три этапа.

Первый этап включает события от начала восстания до международной конференции в Лондоне, созванной с целью урегулировать бельгийскую проблему. Анализируются причины, которыми руководствовались в 1815 голу страны-победительницы наполеоновской Франции, присоединяя Бельгию к Голландии и создавая единое Нидерландское Королевство.

Доказывается, что восстание в Бельгии имело огромное внешнеполитическое значение, так как Бельгия занимала центральное место в оборонительной системе против Франции, выстроенной странами-участницами Четверного союза. Изменение статуса Бельгии не могло не сказаться на системе международных отношений второй четверти XIX века и не могло остаться без внимания Великих Держав той эпохи.

Исследуются позиции, которые занимали ведущие европейские державы на момент начала кризиса. Доказывается, что на политику союзных стран в большей степени влиял переменчивый курс Великобритании, а не действия французского правительства, что является широко распространенной точкой зрения. Именно под влиянием отказа Лондона от своих союзнических обязательств политика остальных держав претерпевают изменения, что сказывается и на позиции российского императора, который вынужден согласиться на созыв международной конференции в Лондоне. Поскольку Бельгия являлась одним из краеугольных камней Венских соглашений 1815 г., перед российской дипломатией появилась задача сохранить статус Бельгии как главной преграды на пути возможной агрессии Франции, принимая во внимание возможное отделение этой страны от Голландии. Разрешением этой дипломатической задачи в течение конца 1830-го г. и всего 1831-го г. занимались русские представители на конференции.

Второй этап включает события с октября по декабрь 1830 г., то есть с начала работы лондонской конференции до момента подписания странами-участниками договора об отделении Бельгии от Голландии. В этот период под воздействием ряда факторов позиция Российской Империи претерпела определенные изменения, что в основном касалось задач русских представителей на конференции.

Столкнувшись с фактическим отказом Великобритании от своих союзнических обязательств и оказавшись перед возможностью сближения Великобритании и Франции, Николай I поставил своим дипломатам в качестве главной цели не защиту положений, гарантирующих вхождение Бельгии в состав нидерландского королевства, а удержании Великобритании

в рамках Четверного союза. Фактически с момента начала конференции представители России должны были решать сверхзадачу в виде сохранения единства Четверного союза, в котором русский самодержец видел главный гарант безопасности Европы. Таким образом, сама проблема независимости Бельгии отошла на второй план, а из цели конференции превратилась для русской дипломатии в средство сохранить существующий внешнеполитический расклад сил в Европе и подтвердить действующую Венскую систему международных отношений. Подобное утверждение является принципиально отличным от существующих в историографии взглядов на пассивность русской дипломатии в бельгийском вопросе.

Николай I в своих указаниях вице-канцлеру К.В.Нессельроде, которые канцлер передавал русским представителям на конференции, подчеркивал, что единственным средством, которое может защитить Европу от новой войны, является единение стран Четверного союза, единение, которое должно быть достигнуто и поддерживаться любой ценой. Самым влиятельным союзником Николай I считал Великобританию, полагая, что французские власти никогда не решаться снова выступить против союза, объединявшего две самые сильные в военном плане Великие Державы. Исходя из этого, Николай I в декабре 1830 г. согласился на отделение Бельгии от Голландии, а затем, несмотря на активное несогласие нидерландского монарха, одобрил действия русских представителей и согласился с итоговым документом, создающим вечно-нейтральную, независимую Бельгию.

Третий этап включает события с декабря 1830 г. по ноябрь 1831 г., когда был подписан протокол о создании независимого бельгийского королевства. Этот период характеризуется многочисленными изменениями в отношениях Великобритании, Франции и России, которые обуславливались как ходом заседаний конференции, так и событиями, происходившими в Бельгии и в Польше. Постепенно вырабатывался механизм отделения Бельгии, двумя спорными аспектами которого являлись личность нового бельгийского монарха и проблема бельгийских крепостей. В этих вопросах позиция русской дипломатии сближалась с позицией Лондона, что привело к

улучшению отношений, особенно наметившемуся после кратковременной интервенции Франции в Бельгию. Согласовав механизм отделения, русские дипломаты подписали протокол о создании Бельгии в ноябре 1831-го г. Бельгия создавалась как вечно-нейтральное государство, что сохраняло ее статус главного бастиона на пути потенциальной французской агрессии. Все страны-участницы подписывали гарантии статуса и границ Бельгии, что подтверждало действующую с момента подписания Венских соглашений внешнеполитическую карту Европы. Главная цель русской дипломатии, поставленная Николаем I, была выполнена – раскол среди стран Четверного союза был предотвращен и союз продолжал действовать. Все вышеперечисленные положения позволяют констатировать, что Лондонская конференция была большим успехом русской дипломатии, что, к сожалению, не получило своего отражения в отечественной и зарубежной историографии.

Во второй главе - **«Восстание в Польше как определяющий фактор русской дипломатии»**, предпринимается попытка исследовать восстание в Польше 1830-31 гг. не как фактор внутренней политики государства, а как событие, имевшее ярко выраженный внешнеполитический аспект. Тот факт, что Польша, как и Бельгия, своим статусом были обязаны Венской конференции 1815-го г. и служили ее символами, обусловили пристальное внимание со стороны как Великих Держав, так и менее значимых стран той эпохи к событиям, происходившим в Польше. Следует отметить, что это внимание далеко не всегда было пассивным. Напротив, в зависимости от своего отношения к России и своих национальных интересов правительства тех или иных стран принимали самое активное участие в кризисе, оказывая помощь или, напротив, активно мешая усилиям России по его разрешению.

В соответствии с политикой своих правительств страны можно условно разделить на три большие группы.

Первую группу составляли те страны, которые оказывали российскому правительству помощь в разрешении кризиса и были связаны с Россией системой союзных договоров. Главным образом речь идет об Австрийской Империи и Прусском королевстве. В результате исследования источников

было выявлено, что они не только оказывали помощь в снабжении русских войск и разоружении польских нарушителей границы, что уже было отражено в исследовательской литературе, но также активно противодействовали на дипломатическом фронте попыткам Франции и Великобритании воздействовать на события, принудив Николая I заключить мир с мятежниками, а также пресекали деятельность польских эмиссаров, пытавшихся склонить Австрию и Пруссию к антироссийскому блоку, что до сих пор не получило отображения в историографии. Раскрываются причины колебаний прусского и австрийского кабинетов в связи с занятием войсками И.Ф.Паскевича Варшавы и ожиданием нового «заграничного похода» русских войск против Франции.

Вторую группу составляли страны, препятствовавшие политике России в разрешении кризиса. Главными соперниками официального Петербурга выступали Великобритания и Франция. На основании анализа документов министерства иностранных дел империи опровергается устойчивое мнение, существующее в исследовательской литературе, о незначительном участии Лондона и Парижа в польских событиях. Обнаруживаются не только систематические попытки дипломатического давления на Петербург, но и подготовка диверсий внутри империи, выделение денежных средств и амуниции польским бунтовщикам и координирование действий польских представителей за границей. Анализ документов позволил сделать вывод о намерении французского правительства признать мятежную Польшу, исполнению которого помешало падение Варшавы. В качестве составной части внешней политики Франции, направленной против официального Петербурга, анализируется антирусская кампания в печати, инициированная французским правительством, и методы борьбы с ней со стороны русских дипломатов. Раскрывается механизм нарушения своих договоренностей правительствами Франции, Великобритании и других стран, что оправдывалось давлением со стороны общественности, антирусские настроения которой подогревались публикациями в официальных средствах массовой информации.

Третью анализируемую группу составляют страны или не входившие в существовавшую систему союзов, или не считавшиеся Великими Державами той эпохи. Эти страны можно условно определить как «нейтральные», а также отметить, что их политика как особой группы государств в рамках польского кризиса еще не исследовалась. Впервые приводятся доказательства существования активной помощи, которую Петербургу оказывали Саксонское королевство и Папский престол, попыток польских эmissаров склонить Турцию к нападению на Россию, помощи Швеции в предотвращении антирусских диверсий в Финляндии и реакция американского общества и правительства на события в Польше. Как показал анализ источников, правительства этих стран использовали антирусское общественное мнение в качестве обоснования для нарушения имеющихся договоренностей. В ряде случаев правительственные структуры и негосударственные организации ряда стран поощряли антирусскую риторику в прессе, противодействие которой на государственном уровне становится одной из задач русских представителей за рубежом.

Таким образом, в главе доказывається, что польское восстание, которое принято считать исключительно внутривполитическим делом Российской Империи, имело значительный международный аспект, в котором ему традиционно отказывали. Впервые было предложено разделение стран, согласно занятой ими позиции в период польского восстания. Были проанализированы военные и дипломатические действия стран, препятствовавших быстрому разрешению кризиса, в частности были отмечены попытки вооруженных диверсий на территории России.

Третья глава - **«Революция в Бельгии и восстание в Польше в восприятии русского общества»**, посвящена практически неизученной теме восприятия обществом двух кризисных ситуаций. На материалах личного происхождения и печатных СМИ демонстрируется не только осведомленность различных слоев русского общества относительно происходящих событий, но и те оценки, которые высказывались современниками как политики русского правительства, так и политики зарубежных стран. Впервые предпринимается попытка не только проследить,

как действовала русская дипломатия, но и как ее шаги, а также политика других стран, воспринимались обществом в контексте кризиса 1830-31 годов.

Первая часть главы посвящена той реакции, которую в русском обществе вызвала бельгийская революция. Показано, что современники были осведомлены о событиях, происходящих в Бельгии, в том числе благодаря подробному описанию событий на страницах газеты «Северная пчела». Доказывается неоднородность общественного мнения по отношению к революции, так как наряду с теми, кто воспринимал восстание в Бельгии резко негативно и рассматривал ее как угрозу для спокойствия России, были и те, кто радовался бельгийскому восстанию и отрицательно относился к реакционной, с их точки зрения, политике России. Отмечается, что и в окружении Николая I не было единой точки зрения на бельгийские события, ряд министров не усматривали в событиях опасности, другие, в частности граф А.Х. Бенкендорф, опасались не только международных осложнений, но и переноса революции в пределы Российской Империи.

Вторая часть посвящена тому, как события польского кризиса, а также международной реакции на него воспринимались в русском обществе. Главный акцент делается на ранее мало изученном аспекте восприятия восстания в Польше в контексте внешней политики государства. Демонстрируется не только полное непонимание обществом причин восстания, но и негативные оценки западноевропейской дипломатии и особенно газет, которые активно противодействовали усилиям Николая I по урегулированию ситуации. Современников событий возмущала антироссийская риторика газет, попытки фактического вмешательства иностранных держав в русско-польские отношения. Особенно возмущали двойные стандарты в европейском общественном мнении, когда проблемы России и Польши раздувались, а собственные сложности (ситуация в Ирландии, Шотландии, Алжире и других регионах) замалчивались.

В результате анализа реакции русского общества было обнаружено, что революция в Бельгии и восстание в Польше в восприятии общества объединялись как последствия революции во Франции. В обоих случаях общество не понимало причин восстаний, что вызывало смешанные чувства,

особенно, когда речь шла о восставшей Польше, что однозначно воспринималось как неблагодарность и оскорбление. Реакция зарубежных государств вызвало в обществе волну недовольства, что способствовало росту антианглийских и антифранцузских настроений.

В **Заключении** диссертационного исследования подводятся итоги работы, даются обобщающие выводы по его разделам.

Отвечая на главный вопрос исследования, доказывается, что с точки зрения русской дипломатии, бельгийская революция и польское восстание и последовавшая за ними международная реакция являлись элементами одного большого международного кризиса, истоки которого лежали в Венской системе 1815 г. В процессе разрешения кризиса русская дипломатия столкнулось с изменением внешнеполитического баланса сил и постаралась если не предотвратить процесс сближения Великобритании и Франции, то хотя бы его замедлить.

Несмотря на подчеркнутое стремление Николая I сохранить в Европе мир любыми средствами, агрессивная политика Франции, особенно в вопросе признания независимости Польши, ставила Европу перед угрозой большой войны. В подобных условиях русское правительство и дипломатический корпус смогли таким образом реагировать на события в рамках существовавшего международно-правового поля, что удалось избежать войны и раскола Четверного союза. Успех русской дипломатии на Лондонской конференции, также как и успех русской дипломатии в противодействии международной помощи польским бунтовщикам, сохранил за Российской Империей ведущую роль в европейской дипломатии в 30-е годы XIX века.

Говоря о восприятии событий в русском обществе, следует отметить, что революция в Бельгии и восстание в Польше объединялись в общественном мнении в единое целое как последствия революции во Франции. Отсутствие понимания причин этих событий делали практически невозможным понимание тех международных осложнений, которые они влекли за собой. Однако активная деятельность ряда европейских держав по противодействию дипломатии России не осталась без внимания общества,

которое, в большинстве своем, резко осудило подобную политику. Однако необходимо признать, что в своем восприятии этих событий, и в особенности, революции в Бельгии, общество было неоднородно.

Объединение бельгийской революции и польского восстания в рамках единого европейского кризиса, с точки зрения автора данного исследования, не только обосновано, но также может послужить заделом для будущих исследований в данном направлении, так как в нем предпринимается попытка отразить проблему, бывшую долгое время лакуной в изучении внешней политики России во второй четверти XIX века.

**Статьи в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации:**

1. Маринин М.О. Польская революция 1830-31 гг. и внешняя политика Великобритании и Франции (историко-культурный аспект)// Вестник Московского Университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012 № 4 С.78-84
2. Маринин М.О. Реакция русского общества на бельгийскую революцию 1830-1831 годов//Казанская наука. 2013 №10

Другие публикации:

3. Маринин М.О. «Позиция Российской империи по бельгийской революции 1830 года»//Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 11, 2009 г. – С.82-86.
4. Маринин М.О. «Позиция России по бельгийскому вопросу»//Сборник статей XIII международной конференции Россия и Запад: диалог культур, выпуск 15, часть 4. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2010 г. – С. 169-175.
5. Маринин М.О. «Бельгийский вопрос во внешней политике Российской Империи 1830-31 гг.»// Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2009
6. Маринин М.О. «Внешняя политика Николая I как этап в отношениях России и Запада»// Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2010» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев, А.В. Андриянов. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2010.
7. Маринин М.О. «Бельгийский кризис 1830-31 гг. в системе европейских союзов»// Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2011.
8. Маринин М.О. «Бельгийский кризис 1830-1831 гг. в системе европейских союзов»//Сборник трудов молодых ученых. Выпуск VII, М., из-во Московского университета, 2012 г. С.97-104
9. Маринин М.О. «Польское восстание 1830-31 годов и внешняя политика России»//Сборник статей XIV международной конференции «Россия и Запад: диалог культур». Выпуск 16, часть 1. М., Центр по изучению взаимодействия культур, 2012 г. С.108-120